

Российское общество
в зеркале
СОЦИОЛОГИИ

ИНСТИТУТ
СОЦИОЛОГИИ
РАН

О ЧЁМ мечтают россияне

ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

ВСЬ
МИР

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

О ЧЁМ мечтают россияне

ИДЕАЛ И РЕАЛЬНОСТЬ

Под редакцией
М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой

Издательство «Весь мир»
Москва
2013

УДК 32.019.52
ББК 60.56
О11

Издание осуществлено при финансовой поддержке
филиала зарегистрированного союза
«Фонд имени Фридриха Эберта» (Германия)

В оформлении обложки использованы фрагменты и мотивы картины
В.М. Васнецова «Ковер-самолет» (1880).

Отпечатано в России

© Коллектив авторов, 2013
© Институт социологии РАН, 2013
© Оформление. Издательство
«Весь Мир», 2013

ISBN 978-5-7777-0538-9

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
1. Мечты о себе и мечты об обществе	13
2. Культурно-исторические и социально-психологические аспекты «русской мечты»	35
3. Идея справедливости в портрете общества, о котором мечтают россияне	54
4. Представления и мечты российских граждан об устройстве России	77
5. Эволюция представлений россиян о демократии: от мечты до запроса на работающие институты	105
6. О какой работе мечтают жители России	126
7. С кем и как мечтают жить рядовые россияне	159
8. В каких условиях живут и мечтают жить граждане России	188
9. Досуговые практики и свободное время россиян в мечтах и в реальности	215
10. Религиозность российских граждан и «русская мечта»	240
11. Осуществимы ли мечты россиян?	261
12. Состояние российского общества и исторические судьбы «русской мечты»	285
Заключение	311
Приложение 1	325
Приложение 2	336
Приложение 3	345
Приложение 4	391

ОСУЩЕСТВИМЫ ЛИ МЕЧТЫ РОССИЯН?

Как было показано в предыдущих разделах, россияне в подавляющей своей массе — люди, склонные «помечтать». Более того — три четверти их считают, что мечтать обязательно нужно, что жить без мечты — не интересно. В то же время мечты большинства россиян достаточно просты и незатейливы. *На микроуровне это, в первую очередь, жизнь в достатке, когда можно позволить себе «не считать копейки» и иметь хорошее здоровье (для себя и близких). Ни богатство с такими его элементами, как шикарные автомобили или яхты, ни карьера, ни слава, ни красота в предмет мечтаний подавляющего большинства россиян не входят. На макроуровне эти мечты сводятся к жизни в справедливом и разумно устроенном обществе, где добродетель и труд вознаграждаются, доходы людей обусловлены их трудом и квалификацией, где все имеют равные права и возможности, а Закон, перед которым все равны, эффективно реализуется.*

Насколько же осуществимыми кажутся россиянам такие простые и понятные мечты? И для кого именно они представляются осуществимыми? Начнем с ответа на первый вопрос.

В целом их мечты кажутся россиянам все же скорее осуществимыми, чем неосуществимыми. По пятибалльной шкале самооценок осуществимости мечтаний средний балл, по результатам исследования, оказался 3,4. При этом полностью уверены в осуществимости мечты 16% опрошенных, а абсолютно уверены в неосуществимости своих мечтаний 6% (рис. 11.1). Тем не менее лишь менее половины, а именно 45% россиян уверены, или скорее уверены, в осуществимости того, о чем они мечтают.

Почему же столь простые, на первый взгляд, мечты, большинству россиян все же не кажутся однозначно осуществимыми? Или, точнее, какие мечты представляются им осуществимыми, а какие нет, и кто характеризуется в этом отношении большим оптимизмом, а кто — меньшим?

Как показало исследование, если говорить об осуществимости мечты в зависимости от ее предмета, то *относительно больше*

уверены в осуществимости своих мечтаний те, чьи мечты сосредоточены только на личных достижениях — встретить настоящую любовь, иметь хорошую семью, жить интересно (рис. 11.2). В наименьшей же степени рассчитывают на реализацию своей мечты те, кто мечтает о том, чтобы «жить в более справедливом и разумно устроенном обществе» — лишь 39% их считают, что их мечты осуществимы или скорее осуществимы.

Мечты микроуровня с разной частотой встречаются в различных демографических группах. Так, среди мечтающих встретить настоящую любовь большинство (57%) сосредоточено в возрастной когорте 16–25 лет (хотя нельзя при этом не отметить, что и в этой группе мечта о любви не слишком популярна — о встрече с настоящей любовью мечтают лишь 13% респондентов этого возраста). Среди тех, кто старше 25 лет, доля мечтающих о встрече с настоящей любовью постепенно снижается, доходя в группе 46–55-летних до 2%. Две трети мечтающих о любви — это женщины. Схожее возрастное распределение характеризует и мечты о хорошей семье или возможности интересно прожить свою жизнь, хотя гендерный фактор на распространенность двух этих стремлений в отличие от мечты о любви практически не влияет.

Совсем другая картина характеризует ситуацию с мечтой о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе. Во-первых, с возрастом ее распространенность только усиливается, и если в группе 16–25-летних она составляет 23%, а 26–35-летних — 30%, то в группе 36–45-летних ее разделяют уже 38%, а 46–55-летних — 42%. Во-вторых, она с абсолютно равной частотой представлена и среди мужчин, и среди женщин (33%). Наконец, в-третьих, эта мечта очень четко связана, прежде всего, с другими мировоззренче-

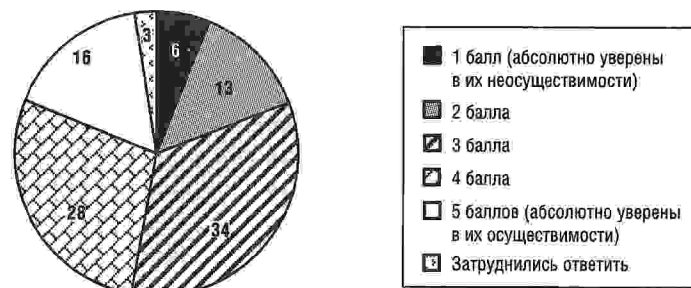

Рис. 11.1. Самооценки россиянами своей уверенности в осуществимости их мечтаний, %

скими характеристиками людей, а не с их демографическим статусом. Большое значение как для ее наличия, так и для оценки степени ее осуществимости имеют также такие факторы как уровень образования и социально-профессиональный статус человека.

В этой связи стоит особо подчеркнуть — место человека в обществе очень заметно влияет на наличие у него ощущения осуществимости своей мечты. Прослеживается четкая и в целом ожидаемая закономерность — чем к более благополучным слоям относятся россияне, тем выше их уверенность в том, что их мечты могут осуществиться. Среди факторов, демонстрирующих наиболее сильные статистические связи с уверенностью в осуществимости мечты, — хорошее образование, наличие престижной и интересной работы, возможность заниматься любимым делом, уверенность в возможности реализовать себя в профессии и получить необходимое образование и знания. Как видим, прорисовывается портрет вполне благополучного — образованного и имеющего хорошую работу — россиянина, который относительно чаще, чем его сверстники, считает свои мечты осуществимыми. Этот портрет будет, однако, не полон, если не добавить в него такие штрихи образа жизни этой группы, как активное использование компьютера и Интернета, опыт или планы путешествий в различные страны мира, качественное питание и возможность хорошо одеваться, положительную динамику уровня материального благосостояния.

Все вышесказанное поясняет, почему уверенность в возможности реализовать свои мечты, являющаяся важнейшим компонентом

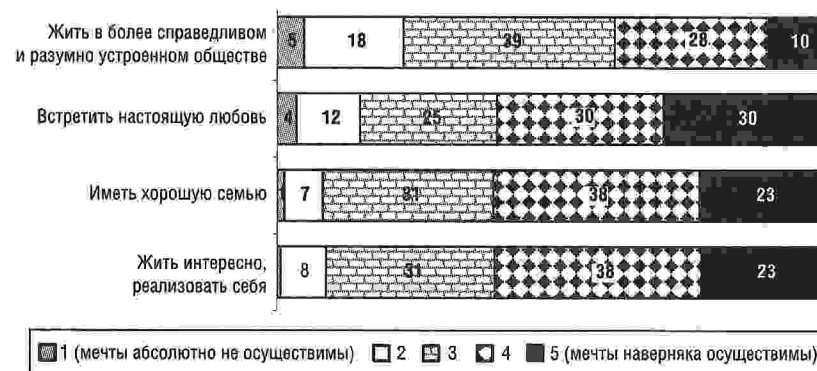

Рис. 11.2. Степень уверенности россиян в осуществимости их мечтаний в зависимости от предмета их мечты, %

высокого качества жизни и предпосылкой благоприятного психологического состояния, характеризует даже не столько младшие возрастные когорты, сколько наиболее высокоресурсные и имеющие наиболее высокий уровень жизни группы россиян (табл. 11.1).

Таблица 11.1

Доли респондентов, различающихся степенью уверенности в осуществимости своих мечтаний, в группах, выделенных по уровню жизни, возрасту и доходу, % от соответствующей группы

Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	Страты 1–3	Страты 4–5	Страты 6–8	Страты 9–10
Абсолютно неосуществимы	15	8	3	3
Скорее неосуществимы	17	14	14	7
С равной вероятностью осуществимы и нет	38	39	32	19
Скорее осуществимы	19	26	33	34
Наверняка осуществимы	11	12	18	37
Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	18–25 лет	26–35 лет	36–45 лет	46–55 лет
Абсолютно неосуществимы	3	5	6	12
Скорее неосуществимы	11	10	15	17
С равной вероятностью осуществимы и нет	28	35	38	37
Скорее осуществимы	35	32	27	19
Наверняка осуществимы	22	18	13	14
Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний	Менее медианы доходов ¹	От 1 до 1,5 медиан	От 1,5 до 2 медиан	Более 2 медиан доходов
Абсолютно неосуществимы	7	7	7	2
Скорее неосуществимы	15	14	9	13
С равной вероятностью осуществимы и нет	39	30	37	18
Скорее осуществимы	25	34	27	38
Наверняка осуществимы	14	14	20	29

Примечание. Жирным шрифтом и фоном выделены позиции, позволяющие утверждать, что большинство данной социальной группы уверено в осуществлении своих мечтаний.

¹ Медиана доходов была выделена для каждого типа поселения в отдельности, что позволяло частично учесть различия в стоимости жизни в зависимости от места жительства.

При этом, как видно из табл. 11.1, уровень дохода, как и возраст, относительно менее важен для наличия такого рода уверенности — главное именно принадлежность к благополучным и высокоресурсным слоям населения, что далеко не всегда совпадает с наличием наиболее высокого душевого дохода. Если посмотреть обратное распределение (т.е. за 100% принять группы абсолютно уверенных в реализуемости или нереализуемости их мечты), то уверенные или скорее уверенные в осуществимости их мечтаний люди оказываются сосредоточены в основном в верхних 5 стратах, выделенных по уровню их благосостояния — хотя численность последних в массиве составила 45%, в них оказалось свыше 60% всех, кто был абсолютно уверен в реализуемости их мечты. Верным оказалось и обратное — среди тех, кто был абсолютно уверен в нереальности осуществления своей мечты, представители 5 верхних страт составили менее 20%, в то время как 80% полных пессимистов оказались представителями пяти нижних страт.

Учитывая этот факт, не удивительно, что среди факторов, влияющих на ощущение осуществимости своей мечты, оказываются также и все те факторы, которые влияют на шансы человека оказаться в составе верхних страт — условия социализации, определяющие культурный ресурс человека и возможность межпоколенной передачи социального статуса (образовательный уровень родителей, прежде всего отца¹, и тип поселения, в котором проходила первичная социализация), особенности локального рынка труда, обусловленные регионом проживания и типом поселения, а также собственные структурные позиции человека, напрямую зависящие от его социально-профессионального статуса и уровня образования.

В итоге кумулятивного действия этих факторов последствия структурных ограничений, т.е. тех возможностей, которые предо-

¹ В условиях России, в отличие от ситуации в странах Запада, получение высшего образования имеет гендерное смещение в обратную, чем это характерно для развитых стран, сторону — его относительно чаще получают женщины, а не мужчины. При этом очень редко встречаются семьи, где муж имеет высшее образование, а жена его не имеет — в нашем массиве они составили всего 19% всех домохозяйств, где женатый мужчина имел высшее образование, а если учесть семьи, где жена имела незаконченное высшее образование, — то всего 17%. Среди женщин картина существенно иная — у 41% замужних женщин с высшим образованием муж имел образование не выше среднего специального. Поэтому для оценки реального культурного капитала семьи и ее статуса в России, вопреки утвердившейся в стратификационных исследованиях традиции, важнее образовательный уровень отца, а не матери.

ставляются (или не предоставляются) обществом своим гражданам в целом и отдельным их группам для того, чтобы они могли самостоятельно решать свои проблемы, четко просматриваются в разной степени уверенности россиян из разных социальных групп в осуществимости их мечты. Можно сказать, что *в зависимости от уровня своего благосостояния россияне, с одной стороны, мечтают о разном, а с другой — по-разному оценивают возможность осуществления тех или иных своих мечтаний* (табл. 11.2).

Как видно из табл. 11.2, *степень уверенности в возможности осуществить свои мечты по разным их типам в разных стратах качественно различается*. Только в верхних двух стратах большинство всегда демонстрирует уверенность в возможности реализации своей мечты независимо от того, что это за мечта. Что же касается трех нижних страт, то для большинства их представителей по меньшей мере половина их мечтаний выглядит нереализуемой. По остальным стратам ситуация достаточно пестрая, и можно говорить о двух скачках — от пяти нижних страт к 6–8 стратам и от последних к 9–10 стратам.

При этом с точки зрения реальности их осуществления у представителей разных страт есть 4 разных типа стремлений. В **первом типе** три нижние страты демонстрируют высокие показатели реализуемости своей мечты, 4–5 страты дают показатели их реализуемости менее чем в половине случаев, и 5 верхних страт демонстрируют высокие и довольно близкие между собой показатели уверенности в возможности реализовать эти мечты. В этот тип входят *мечты о хорошей семье и хорошей работе, составляющие своего рода фундамент повседневной жизни населения страны*. Сложно сказать, с чем связан такой оптимизм в этих вопросах трех нижних страт, — речь может идти и о защитной реакции психики в условиях, когда, как они понимают, все или почти все остальные мечты для них практически не реализуемы, и о формировании в этих стратах каких-то иных представлений о том, что такое хорошая семья и хорошая работа, чем у остального населения, и о каких-то иных социально-психологических механизмах, генерирующих такого рода оптимизм. Однако несомненно, что *признать нереальность для них реализации этих мечтаний представители трех нижних страт просто не могут, иначе, видимо, их жизнь стала бы совсем невыносимой*. В то же время *чуть более благополучные представители низкоресурсных страт в большинстве своем осознают проблематичность реализации для них даже этих, отражающих базовые ценности россиян, мечтаний*.

Таблица 11.2

Доли респондентов, уверенных или скорее уверенных в осуществлении своей мечты, в разных группах, выделенных по их уровню жизни, % от имеющих соответствующую мечту¹

Мечты	Страты	Страты	Страты	Страты
	1–3	4–5	6–8	9–10
<i>1 группа</i>				
Иметь хорошую семью (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет счастливой семьи)	83	48	70	74
Устроиться на хорошую работу (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет престижной работы)	67	48	68	75
Устроиться на хорошую работу (в процентах от тех, кто считает, что еще не имеет интересной работы)	67	45	69	73
<i>2 группа</i>				
Получить хорошее образование (специальность) (в процентах от тех, кто считает, что еще не получил хорошее образование, но включает его в три основные свои мечты)	60	67	60	76
Быть полезным обществу, внести «свою лепту» в развитие России	54	62	71	81
Интересно прожить свою жизнь, реализовать себя	50	51	63	77
<i>3 группа</i>				
Иметь свою отдельную квартиру, дом	40	41	53	68
Открыть собственное дело	30	49	55	83
Иметь хороших детей (в процентах от тех, кто имеет детей) ²	29	40	59	66
Иметь хорошее здоровье	13	33	51	71
<i>4 группа</i>				
Жить в достатке, иметь возможность тратить деньги, «не считая копейки»	23	35	48	76
Встретить настоящую любовь	12	10	27	60
Жить в более справедливом и разумно устроенном обществе	7	36	36	55

¹ Для наиболее распространенных видов мечтаний. Отранжировано внутри групп по доле считающих соответствующую мечту реализуемой в составе трех нижних страт. Жирным шрифтом и фоном выделены позиции, позволяющие утверждать, что большинство данной социальной группы уверено в осуществлении своих мечтаний.

² Среди не имевших детей эта мечта была заметно менее популярна.

Второй тип — это мечты, которые в той или иной форме касаются *возможностей самореализации человека в обществе*. Суметь получить хорошее образование, открывающее перспективы более содержательной жизни, интересно прожить свою жизнь, суметь реализовать себя, быть полезным обществу — вот тот набор мечтаний, который объединяется в этой их группе. В целом *в реализуемость этих своих стремлений верит не менее половины разделяющих эти мечты россиян из всех страт*. Однако и применительно к ним действует общая закономерность — *чем выше место страты на социальной лестнице, тем выше оказывается и уверенность ее членов в реализации их мечтаний из этого их типа*. Только в отношении мечты о том, чтобы интересно прожить свою жизнь (очень важный компонент в ценностной системе россиян), которую рассчитывает реализовать не менее половины разделяющих ее во всех стратах, нарастание уверенности в ее осуществимости происходит не плавно, как в отношении других стремлений из этого их типа, а только при переходе к 6 страте, т. е. при скачке от неблагоприятных и низкоресурсных к относительно благополучным слоям населения. И если в 1–5 стратах уверены или скорее уверены в ее осуществимости ровно половина имеющих эту мечту, то в 6–8 стратах — почти две трети, а в двух верхних стратах — свыше трех четвертей.

Почти такая же по качественным ее особенностям картина характеризует и ситуацию с мечтой о хорошем образовании — картина верящих в реализацию этой своей мечты среди мечтающих о хорошем образовании во всех стратах до 8 включительно относительно близка и составляет 60–67%, а в 9–10 стратах их доля резко возрастает (до более чем трех четвертей). Учитывая значимость образования в современном мире, а также отмечавшуюся в предыдущих главах данной книги тенденцию сокращения инвестиций россиян в свой человеческий капитал, посмотрим, кто же в первую очередь мечтает о хорошем образовании и кто считает, что уже получил его (что позволит понять, что вкладывают обычно россияне в это понятие).

Естественно, что о хорошем образовании мечтают прежде всего представители младших возрастных когорт (рис. 11.3). Однако масштаб разрывов в этом отношении между разными возрастными когортами настолько велик, что заставляет говорить о потере россиянами интереса к образованию после завершения возраста, ассоциирующегося у них с периодом получения образо-

вания (что подтверждается и приводившимися выше данными по сокращению инвестиций в образование — как свое, так и своих детей). В условиях выступающего жестким императивом информационной экономики¹ непрерывного образования это является важным свидетельством тревожности ситуации, сложившейся в данной сфере.

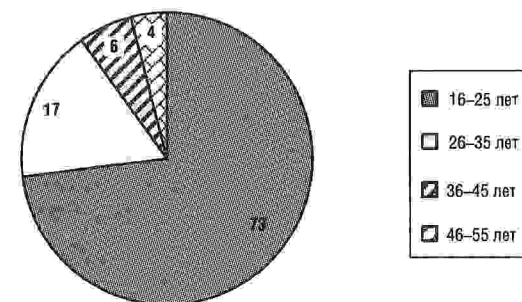

Рис. 11.3. Возрастное распределение мечтающих о получении хорошего образования, %

Судя по всему, россияне уверены, что раз полученное в начале жизненного пути высшее образование и есть то, что можно назвать «хорошим образованием». Во всяком случае, те из них, кто уже имеют высшее образование, лишь в 4% случаев мечтают получить хорошее образование. В этом контексте не удивительно, что мечта о хорошем образовании широко распространена среди студентов, для которых это важный побудительный мотив их учебы в вузе — каждый третий среди них назвал эту мечту в числе основных своих мечтаний при ответах на закрытый вопрос об их мечтах. Однако они в этом отношении отнюдь не рекордсмены — максимальная (ровно половина) доля мечтающих о хорошем образовании среди тех, кто не имеет даже полного среднего образования, и для кого эта мечта, видимо, навсегда останется лишь мечтой. Третье место в этом своеобразном рейтинге занимают те, кто имеет общее среднее образование (17%).

Таким образом, в этом отношении четко выделяются несколько групп. Наиболее массовая среди них (28% от мечтающих о полу-

¹ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.

чении хорошего образования) — это россияне (в первую очередь молодежь), имеющие общее среднее образование и мечтающие получить высшее образование. Вторая группа (также в основном молодежная) — это выпускники техникумов, колледжей и т. п., имеющая среднее специальное образование, и 23% всех мечтающих о получении хорошего образования россиян относятся именно к ней. Третью составляют студенты (21%). В сумме эти три группы дают практически три четверти всех мечтающих о получении хорошего образования. Если же к ним добавить те 18%, которые мечтают об этом, но не имеют даже законченного среднего образования, то понятно, что *мечта о хорошем образовании означает в России мечту о получении вузовского диплома.*

Если говорить о специфике занятости работающих из состава этой группы, то больше всего среди мечтающих о хорошем образовании доля рабочих (38%). Следом за ними по их «удельному весу» идут полупрофессионалы (специалисты без высшего образования) и служащие (22%). На третьем месте — рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг (17%). Это значит, что *если не брать в расчет учащуюся молодежь, то основная масса мечтающих о хорошем образовании россиян мечтает о нем, чтобы сменить тип профессиональной деятельности, а отнюдь не для того, чтобы лучше выполнять свою работу.* При этом своего рода «задачей-максимум» для многих из них выступает, видимо, попадание в средний класс — во всяком случае, в дальней периферии среднего класса¹ мечтает о хорошем образовании практически каждый пятый (при 3% — в ядре среднего класса, 12% — в ближней его периферии и 11% в остальном населении).

Суммируя все вышесказанное, можно сказать, что *мечта о хорошем образовании скрывает за собой два разных типа мечтаний россиян. Один их тип — это мечта об определенной карьерной траектории, отражающей, впрочем, скорее ситуацию полувековой давности, нежели соответствующей требованиям экономики сегодняшнего дня.* Эта карьерная траектория предполагает получение после окончания среднего учебного заведения высшего образования и далее использование полученных в вузе знаний, т. е., по сути, амортизацию накопленного в период юности человеческого капитала. Именно эта модель собственной жизни как идеальная продолжает господствовать в сознании как учащейся молодежи, так

¹ О методике выделения среднего класса см. в главе 3.

и многих россиян среднего возраста — не случайно среди имеющих высшее образование 87% убеждены, что уже имеют хорошее образование. В то же время среди остальных образовательных групп этот показатель находится в диапазоне 9–28%, т. е. среднее и даже среднее специальное образование заведомо рассматривается не как хорошее независимо от его реального качества, оценки его на рынке труда и степени востребованности соответствующих специалистов в экономике. А это значит, что, несмотря на реальные потребности экономики, российская молодежь по-прежнему будет стремиться в вузы.

Другой тип стоящих за этой мечтой стремлений — желание части уже работающих, но недовольных своим статусом россиян, изменить свой тип деятельности и занять более высокие статусные позиции. В этом случае о получении хорошего образования мечтают, прежде всего, те, кто занимает близкие к среднему классу статусные позиции и кому именно наличие высшего образования помогло бы войти в его состав.

Что касается остальных особенностей россиян, мечтающих о хорошем образовании, то, как ни странно, учитывая и без того более высокий образовательный уровень женщин, они несколько чаще мечтают о получении хорошего образования, чем мужчины (13 и 10% соответственно). Кроме того, чаще всего мечтают о получении хорошего образования выходцы из средних городов (с численностью жителей 100–250 тыс. человек) (16%), в то время как среди выходцев и из более крупных, и из более мелких населенных пунктов эта доля в среднем в 1,5 раза меньше (10–12%). Видимо, у выходцев из более крупных населенных пунктов для реализации этой мечты изначально больше объективных возможностей, что позволяет им не переводить это стремление в статус мечты, а для выходцев из более мелких населенных пунктов получение этого образования в меньшей степени могло бы повлиять на их жизнь и в этом плане менее полезно. Учитывая, что проживание в населенных пунктах разного типа в отличие от места прохождения первичной социализации оказалось для распространенности мечты о хорошем образовании статистически незначимо, можно предположить, что эти различия обусловлены большей распространенностью мечты о хорошем образовании среди мигрантов из городов с численностью населения 100–250 тыс. человек, переехавших в более крупные населенные пункты, занимающих там рабочие места полупрофессионалов, работников

торговли и рабочих и ощущающих в силу отсутствия вузовского диплома ограничения в возможности выстраивания желаемых карьерных траекторий.

Вернемся теперь к рассмотрению типов мечтаний, различающихся степенью их осуществимости для представителей разных страт, а именно — к вероятности реализации **второго типа** этих мечтаний, куда входит и мечта об образовании. Как показывает анализ данных о реальном положении респондентов, вероятность реализации мечтаний этого типа четко связана и с их профессиональным статусом, и с местом жительства, и, особенно, с классово-принадлежностью и уровнем благосостояния их домохозяйств. Так, например, для пяти нижних страт эта вероятность намного ниже 50%, и даже в 6–8 стратах этот показатель не достигает 50%. Если же посмотреть на возрастную когорту 26–35 лет, когда процесс получения базового образования для подавляющего большинства уже завершен, то в 1–3 стратах его удалось получить, по самооценкам респондентов, 25% их членов, в 4–5—44%, в 6–8—49%.

В то же время, в 9–10 стратах доля сумевших получить хорошее образование достигала уже 80%. При этом реально получили высшее образование в возрастной когорте 26–35 лет 14% в 1–3 стратах, 32% в 4–5 стратах и 40% в 6–8 стратах. И только в 9–10 стратах его имело уже большинство — 53%. Понятно при этом, что и качество полученного высшего образования среди членов разных страт было различно. Разные же возможности использовать социальный ресурс для поиска соответствующей этому образованию работы еще более усиливали разницу шансов на использование высшего образования как социального лифта для представителей разных страт. Не случайно в пяти нижних стратах лишь треть имеющих высшее образование говорила о том, что им удалось получить престижную работу, в 6–8 стратах эта доля составляла уже 42%, а в 9–10 таких было уже большинство (52%) — и это при том, что к «престижности» работы здесь заведомо предъявлялись более жесткие требования.

Конечно, можно было бы говорить в этом случае об обратной связи, а именно, что наличие высшего образования столь значимо влияет на благосостояние россиян, что они оказываются в итоге в разных стратах, выделенных по уровню жизни. Однако другие данные свидетельствуют о том, что речь прежде всего надо вести все-таки о *влиянии на вероятность получения хорошего* (т. е. «высше-

го») образования принадлежности по своему социальному происхождению к определенным группам, о фактически начавшемся в России классовом воспроизводстве и о формировании достаточно закрытой классовой структуры, а уже в силу этого — и о влиянии полученного образования на материальное положение людей. Во всяком случае, вероятность получить хорошее образование и даже мечты о нем гораздо шире распространены у выходцев из наиболее образованных семей (табл. 11.3).

Как видно из табл. 11.3, возможность получения хорошего образования и даже стремление к нему четко связаны с уровнем образования родителей респондентов, причем в пореформенный период эта связь стала более жесткой, на что уже обращали внимание и другие исследователи¹. Не случайно среди выходцев из семей, где оба родителя имели высшее образование, в возрастной когорте 26–35 лет 77% (при 54% по массиву в целом) считали, что уже получили хорошее образование и 79% (при 60% в среднем) к моменту опроса закончили вуз или учились в нем. Видимо, именно из-за того, что для выходцев из образованных семей высшее образование гораздо более доступно, они реже отводят этому стремлению статус мечты, скорее это просто жизненные планы. Если же они и мечтают о хорошем образовании, то это характерно в основном для представителей младшей возрастной когорты. Далее эта мечта среди выходцев из семей с высоким образовательным уровнем родителей уже практически отсутствует — видимо, все, кто хотел получить высшее образование, к этому времени в данной группе его уже получили.

Третий тип различающихся своей осуществимостью мечтаний объединяет мечты, ассоциативно вызывающие в памяти портрет жизненной мотивации той части населения, которая является ключевым поставщиком кадров для мелкого бизнеса — хотя, конечно, круг людей с этой жизненной мотивацией (а тем более имеющих одну какую-то мечту из числа входящих в этот их тип) гораздо шире. *Хорошее здоровье, свой дом, свое дело, хорошие дети, которым все это можно оставить...* Как видно из табл. 11.2, уверенность в возможности реализации этой жизненной модели характеризует большинство имеющих соответствующие мечты только в верхних пяти стратах.

¹ См., например: Константиновский Д. Л., Вознесенская Е. Д., Чередниченко Г. А., Хохлушкина Ф. А. Образование и жизненные траектории молодежи: 1998–2008 годы. М.: Институт социологии РАН, 2011.

Таблица 11.3

Доли респондентов, различающихся вероятностью получения хорошего образования, оценками вероятности его получения и стремлением его получить, в группах с разным уровнем образования родителей, % от соответствующей группы

Самооценки вероятности получить хорошее образование	Родители имеют не более общего среднего образования	Один из них или оба имеют среднее спец. образование	Один из них имеет высшее образование	Оба имеют высшее образование
Считают, что им уже удалось получить хорошее образование	30 (28)	44 (51)	40 (47)	54 (77)
Пока этого не добились, но считают, что им это по силам	16 (19)	27 (20)	44 (40)	38 (12)
Хотели бы, но считают, что вряд ли смогут этого добиться	40 (38)	23 (24)	12 (7)	5 (8)
Не стремятся иметь хорошее образование	14 (15)	6 (5)	4 (6)	3 (3)
Всего не имеют и не рассчитывают иметь	54 (53)	29 (29)	16 (13)	8 (11)
Наличие высшего образования				
Уже имеют высшее образование	14 (10)	30 (37)	36 (49)	51 (77)
Учатся в вузе	2 (2)	7 (5)	16 (6)	19 (2)
Всего имеют или получают высшее образование	16 (12)	37 (42)	52 (55)	60 (79)
Мечтают о получении хорошего образования				
Есть такая мечта	7 (6)	11 (11)	17 (7)	23 (3)
Нет этой мечты	93 (94)	89 (89)	83 (93)	77 (97)
Степень уверенности в осуществлении своих мечтаний (% от имеющих мечту о хорошем образовании в соответствующей группе)				
Абсолютно неосуществимы	11	5	4	2
Скорее неосуществимы	19	12	12	9
С равной вероятностью осуществимы и нет	39	36	29	27
Скорее осуществимы	20	30	35	38
Наверняка осуществимы	11	17	20	24
Всего считают мечту осуществимой	31 (30)	47 (53)	55 (57)	62 (68)

Примечание. В скобках указаны цифры по возрастной когорте 26–35 лет. Их сравнение с данными по россиянам 16–55 лет в целом позволяет «очистить» картину от разницы в уровне образования родителей представителей разных возрастных когорт.

Особое внимание при этом стоит обратить на возможность реализации в разных странах такой важной составляющей чаяний россиян как хорошее здоровье. Мечта о хорошем здоровье, как ни странно, оказывается для представителей нижних страт, во-первых, не слишком острой – среди них мечтают о хорошем здоровье лишь 21%, в то время как для представителей 6–8 страт, например, этот показатель достигает 35%. Наименее благополучным россиянам, видимо, просто «не до здоровья», и их мечты сосредоточены вокруг более насущных проблем. А во-вторых, как видно из табл. 11.2, эта мечта представляется им гораздо менее реализуемой, чем представителям верхних страт – в трех нижних странах уверены или скорее уверены в возможности реализации своей мечты о хорошем здоровье лишь 13% тех, кто о нем мечтает. Это значит, что в этих странах мечтают о хорошем здоровье в основном люди, которые в массе своей уже имеют плохое здоровье и не видят шансов его поправить. В то же время в двух верхних странах этот показатель достигает 71%, т.е. в 5,5 раза выше. А это значит, что там хорошее здоровье – не актуализировавшаяся в процессе его ухудшения потребность, а осознанная жизненная ценность, о которой своевременно задумываются и которую рассчитывают сохранить.

Наконец, **четвертый тип** объединяет мечты, казалось бы, *очень разные, но всех их объединяет одно – реализовать их рассчитывают только представители 9–10 страт.* В этот тип входит, в частности, *мечта жить в более справедливом и разумно устроенном обществе.* Разрыв в уверенности в возможности реализации этой мечты между тремя нижними и двумя верхними странами необычайно велик – он практически восьмикратный. Что же касается составляющих свыше 80% населения России 4–8 страт, то все они демонстрируют достаточно близкие между собой и сравнительно низкие показатели этой уверенности – лишь около трети мечтающих жить в таком обществе в этих странах еще сохраняют на это надежду.

В то же время, стоит специально подчеркнуть тот факт, что даже в двух верхних странах вера в осуществимость этой мечты заметно ниже, чем в осуществимость других мечтаний.

И все же 55% в данной группе все-таки верят в подобную возможность. Учитывая же социально-психологические особенности верхних двух страт (социальный динамизм, готовность их представителей к активным действиям по защите своих интересов,

практическую ориентированность¹, большую функциональную грамотность, связанную с более высоким образовательным уровнем и т. д.), именно от их представителей можно ожидать наиболее активных шагов с требованиями изменения сформировавшейся в России за последние два десятилетия модели общества. Речь идет о том, что многие из тех, кто в верхних двух стратах верит в реализуемость этой своей мечты, не будут, как представители нижних страт, ждать, когда она реализуется сама по себе. Они готовы действовать во имя ее реализации. И хотя момент и формы проявления этой готовности зависят от внешних обстоятельств, но наличие ее несомненно, и сама по себе, без изменения модели общества, такая готовность не исчезнет. При оценке перспектив активизации данной группы стоит учитывать также, что она четко локализована в пространстве — почти половина ее (48%) проживает в городах с численностью населения от 500 тыс. человек и выше, в т. ч. свыше трети (36% всей группы) — в городах-миллионниках. Важно и то, что в отношении наличия актуализированной потребности в изменении сложившейся модели общества данная группа не противостоит основной массе населения, а идет в унисон с ней, хотя отдельные нюансы представлений о том, какое общество можно считать справедливым и разумно устроенным, могут в ней отличаться от представлений остального населения. Впрочем, масштаб этих различий не стоит переоценивать.

Вторая мечта, как ни странно, также входящая в четвертый их тип — *мечта встретить настоящую любовь*. Уверенность в возможности ее реализации также распространена в трех нижних стратах в разы реже, чем в верхних. Только тип распределения уверенности в реализуемости этой мечты по стратам несколько иной, чем в случае с другими мечтами — *в нижних пяти стратах вера в реализуемость этой мечты очень низка, затем с переходом к 6–8 стратам происходит некоторый рост этой уверенности и, наконец, при переходе к верхним двум стратам уверенность в реализуемости этой мечты разделяет уже заметно больше половины их членов*. Без дополнительного изучения трудно понять, почему эта, казалось бы, относящаяся сугубо к личной жизни человека и, на первый взгляд, слабо связанная с его местом в социальной структуре мечта демонстрирует такой характер распределения.

¹ Так, например, свыше двух третей в двух верхних стратах (при менее чем половине в пяти нижних стратах) не ждут чуда в реализации своей мечты, а составляют план ее реализации и реализуют его шаг за шагом.

Однако, учитывая характер представлений об идеальных мужчинах и женщинах в разных стратах, можно предположить, что потребность в настоящей любви для современной России — это уже роскошь, которую не всякий может себе позволить, и очень многим было бы достаточно, если бы мужчина мог прокормить семью и не имел вредных привычек, а женщина была бы хозяйственной и занималась детьми.

Наконец, в четвертый тип входит также *мечта о жизни в достатке*, когда можно позволить себе жить «не считая копейки». *Нереализуемость этой задачи для нижних 5 страт, учитывая нарастание социального неравенства в российском обществе в последние 20 лет, понятна*. Более того, прошлые наши исследования показывают и то, что, как бы не изменялась экономическая ситуация, свыше половины населения в возрасте до 55 лет (и около 60% всего населения) стабильно относятся к сравнительно неблагоприятным и низкоресурсным слоям. Да и последнее исследование показало, что возможность «жить не хуже других» на практике характеризует лишь верхние две страты. Во всяком случае, говорили о том, что им уже удалось этого добиться, 19% в 1–3 стратах, 30% в 4–5 стратах, 39% в 6–8 стратах и только в 9–10 стратах об этом говорило большинство — 52%.

Учитывая как связь всех без исключения мечтаний россиян с их уровнем благосостояния, так и максимальную распространенность именно мечты о жизни в достатке, особенно актуальным представляется вопрос о том, какие же факторы влияют в современной России на попадание конкретных людей на наиболее неблагоприятные структурные позиции, почему именно данные люди оказываются в составе неблагоприятных слоев, т. е., по сути дела, вопрос о факторах стратификации. Ответ на этот вопрос позволит лучше понять и то, почему сложившаяся модель общества не устраивает в настоящее время столь большую долю россиян.

Обратимся в связи с этим, прежде всего, к восприятию населением причин бедности и богатства в российском обществе. Сразу подчеркнем, что в данном исследовании вопросы о вышеназванных причинах задавались в форме, предполагавшей оценку респондентами истоков богатства и бедности людей, которых они хорошо знают — родственников, друзей, соседей, коллег по работе, а не ретрансляцию отвлеченных идеологических штампов. Фактически респонденты выступили в этом вопросе в роли экспертов, хорошо знающих предмет обсуждения.

Отвечая на вопрос о причинах бедности их личных знакомых, респонденты выделили две группы причин, одна из которых включала в себя факторы макро-, а другая – микроуровня. Среди первых были: невыплата зарплаты на предприятии, задержка пенсий, проживание в бедном регионе (районе, городе, местности), недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению и т. п. Среди вторых – семейные несчастья, болезнь или инвалидность, алкоголизм или наркомания, лень, неприспособленность к жизни и т. п. При этом, как показало исследование, наиболее распространенными причинами бедности в России сегодня, по мнению самих россиян, являются: алкоголизм или наркомания, лень и неприспособленность к жизни, длительная безработица, болезнь или инвалидность, а также семейные неурядицы или несчастья – например, смерть кормильца семьи. Таким образом, бедность сегодня в России связана преимущественно с факторами микроуровня, в значительной части случаев обусловленных неверным поведением самих бедных (или кого-то из членов их семей) и, отчасти, просчетами в социальной политике государства. Это заметно отличается от ситуации, характеризовавшей российское общество десять лет назад¹.

При факторном анализе (метод Варимакс) выделились 6² укрупненных факторов бедности. **Первый** из них отражал вину самого человека в своей бедности и объединил такие ее причины как алкоголизм или наркомания (34%), лень и неприспособленность к жизни (26%) и нежелание менять привычный образ жизни (17%). **Второй** включал причины, связанные с отсутствием стабильного дохода в силу различных экономических причин – длительной безработицы (24%) или невыплаты зарплат на предприятии (17%). **Третий** отражал причины бедности, воспринимаемые населением как результат «невезения», связанного, прежде всего, с семейными обстоятельствами, не компенсируемыми мерами социальной политики государства. В него вошли болезнь или инвалидность (своя или членов семьи) (20%) и большая иждивенческая нагрузка (7%). **Четвертый** объединял причины, связанные с плохими стартовыми условиями: низкий уровень жизни родителей (18%), отсутствие поддержки со стороны родственников, друзей и знакомых (11%), плохое образование и низкую квалификацию (17%).

¹ См., например, Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс/Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004.

² Формулировка вопроса допускала указание пяти наиболее значимых причин.

Пятый отражал неэффективность государственной социально-экономической политики по выравниванию шансов людей на преодоление бедности и объединял такие причины бедности, как проживание в бедном регионе (районе, городе, местности) (13%) и недостаточность государственных пособий по социальному обеспечению (14%). Наконец, **шестой** фактор тоже относился к причинам микроуровня, которые не компенсируются мерами государственной социальной политики, но уже к таким причинам, которые касаются, скорее, крупных жизненных несчастий, чем повседневных неурядиц. В него входили, соответственно, семейные несчастья (19%) и то, что люди – беженцы, мигранты (2%).

Как же изменилась за последние десять лет роль этих групп причин в попадании людей в бедность? Прежде чем перейти к ответу на данный вопрос, стоит отметить то немаловажное обстоятельство, что за последнее десятилетие серьезно изменилось среднее число причин бедности, которые указывали респонденты, т. е. ситуация с этими причинами стала для самих респондентов более простой, четкой и однозначной. Если еще десять лет назад среднее число причин бедности, которые указывали респонденты, было 3,8, то в 2012 г. оно составило уже 2,5. Таким образом, в среднем, если бы это уменьшение равномерно затронуло все причины бедности, то показатели по каждой из них должны были бы сократиться примерно в полтора раза. Однако в реальности картина оказалась иной. Показатели по части из них (в основном связанным с ситуацией микроуровня) практически не изменились, в то время как по другим (в основном связанным с ситуацией макроуровня) частота упоминаний их респондентами сократились более чем вдвое. Это еще одно свидетельство в пользу того, что нынешняя ситуация с бедностью в России связана не столько с общей экономической ситуацией, сколько с поведением самих бедных или теми несчастьями, которые произошли в их семьях и не компенсируются должным образом мерами государственной социальной политики (рис. 11.4).

Как видно из рис. 11.4, за последние десять лет уменьшилась не только роль факторов бедности, связанных с проблемами с источниками доходов, но и роль причин, отражающих неэффективность государственной социальной политики – недостаточность пособий по соцобеспечению, наличие большого числа иждивенцев, инвалидность. И в этом отношении можно говорить

о значимых результатах государственной социально-экономической политики последних лет в борьбе с бедностью, по крайней мере — с точки зрения восприятия этой проблемы общественным сознанием. В то же время, роль факторов бедности, связанных с плохими стартовыми условиями (происхождение, социальный ресурс), хотя и уменьшилась, но куда менее значительно. Это значит, что *меры государственной социальной политики, рассматриваемой как политика в области социального обеспечения, приносят ощутимый эффект, а вот проблема равенства стартовых возможностей, выравнивания их, оказалась в последние 10 лет как бы «за бортом» социальной политики.*

В итоге роль отмеченных причин и, прежде всего, низкого уровня жизни родителей, относительно выросла. А ведь равенство возможностей, равенство шансов «на старте» входят в число базовых ценностей россиян. Не случайно существующее сегодня в России явно избыточное социальное неравенство в данной области, как было показано в главе 3 данной книги, воспринимается ими весьма болезненно. Если же говорить собственно о социальной политике, то наиболее слабой ее стороной выступает сегодня компенсация последствий семейных несчастий (например, смерти или тяжелой болезни кормильца семьи, разводов в семьях с двумя и более детьми и т.п.).

Впрочем, проблемы бедности сами по себе заботят наших сограждан меньше, чем причины, обуславливающие «продвижение наверх» — к богатству и достатку. Как показало исследование, судя по экспертной оценке наших сограждан¹, в этой области в России далеко не все обстоит благополучно, а российское общество очень далеко не только от меритократического идеала, но и от шансов стать обществом массового среднего класса, поскольку число благоприятных для человека структурных позиций в нем очень ограничено.

¹ Стоит отметить, что почти четверть россиян вообще не имеют в своем окружении богатых людей. Точнее, 61% россиян имеют в своем окружении и богатых, и бедных, 11% не имеют в числе друзей, родственников и знакомых ни богатых, ни бедных, 12% имеют в своем окружении бедных, но не имеют богатых, и 15% имеют в своем ближайшем окружении богатых, но не имеют бедных. В этом плане можно констатировать, что процесс «закрытия» социальных слоев в России еще не завершен, хотя идет он весьма активно, и тенденции, зафиксированные нами применительно к сфере образования, будут способствовать его дальнейшей интенсификации.

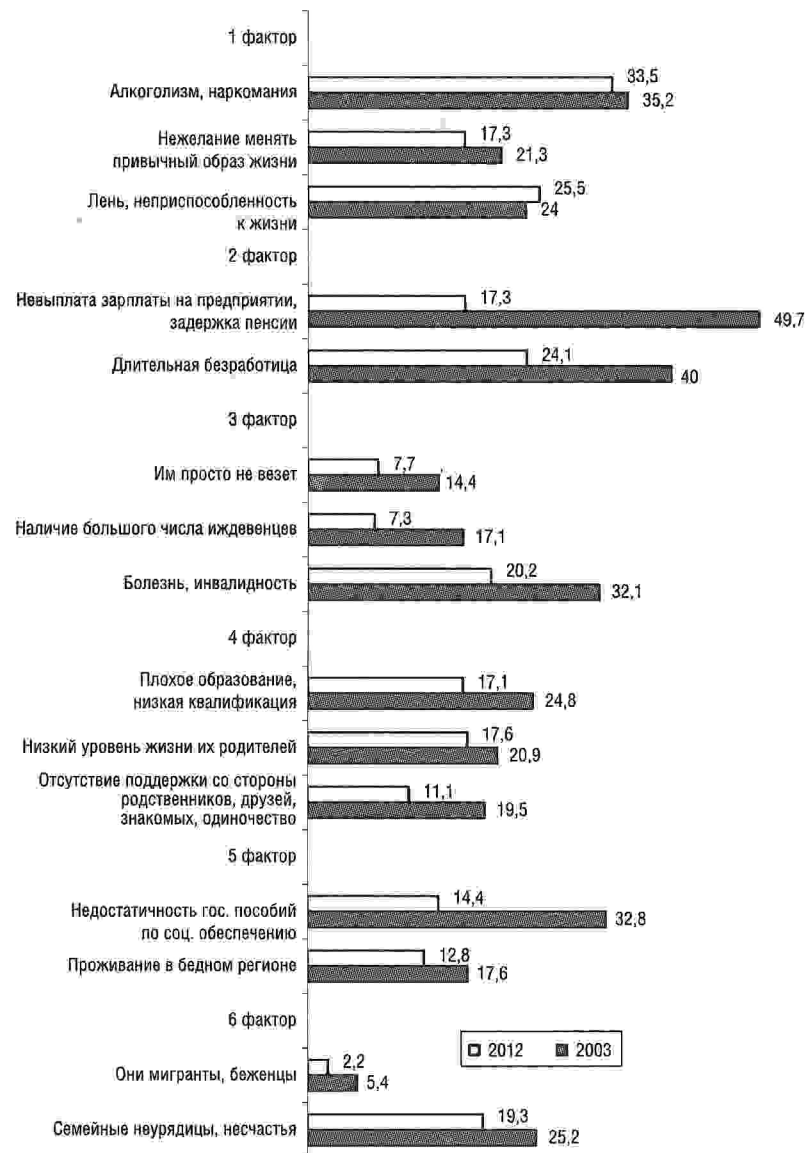

Рис. 11.4. Динамика представлений россиян о причинах бедности их личных знакомых, 2003–2012 гг., %

В число пяти наиболее распространенных причин богатства¹ в России сегодня входят: наличие нужных связей, деловая хватка, везение, умение использовать все возникающие шансы и работа без оглядки на время и здоровье. Не вошла в пятерку лидеров высокая квалификация, хотя эта причина отставала от них в пределах величины статистической погрешности. При факторном анализе (метод Варимакс) 12 возможных причин достижения того уровня благополучия, которое в глазах респондента выступало как богатство, объединились в 4 фактора. **Первый** из них был связан с *аморальными и неправовыми поведенческими практиками* (неразборчивость в средствах, непорядочность (9%); связь с криминалом (9%); служебное положение, позволяющее брать взятки (14%)). **Второй** объединил различные грани *везения*: само по себе везение, удачу (29%), умение использовать все возникающие шансы (26%) и наличие главного такого шанса в российских условиях — нужных связей (49%). **Третий** включал переменные, связанные с *возможностями формирования первоначального капитала* — имевшиеся сбережения, позволившие заняться бизнесом (22%), и возможность с выгодой для себя поучаствовать в приватизации (12%). Наконец, **четвертый** отражал *деловые качества самого человека* — наличие у него деловой хватки (43%), работу без оглядки на время и здоровье (25%), наличие высокой квалификации, знаний (23%).

Учитывая эту группировку, посмотрим на динамику сравнительной роли этих факторов в достижении благополучия за последние 10 лет (рис. 11.5).

При анализе приведенных на рис. 11.5 данных, прежде всего, вновь обращает на себя внимание сокращение за последние 10 лет числа позиций, выбираемых каждым респондентом. Таким образом, и в вопросе о причинах богатства их знакомых, как и с причинами бедности, для россиян также наступила большая ясность и однозначность. Это значит, что и в данном случае каждый процент стал еще более весомым. С учетом отмеченного обстоятельства еще яснее становится ведущая роль в определении возможности попадания в состав богатых 2-го фактора («везение»), описывающего ситуацию, когда, с одной стороны, человеку повезло иметь нужные связи, а с другой — он сумел этот шанс использовать. И 10 лет назад, и сейчас именно эта группа причин оказывается

¹ Формулировка этого вопроса, как и с вопросом о бедности, допускала указание пяти наиболее значимых причин.

главным фактором благополучия в восприятии россиян. На втором месте по значимости — личные качества, прежде всего наличие деловой хватки, хотя нельзя не отметить, что если в 2003 г. именно ее наличие выступало наиболее распространенной причиной богатства их знакомых среди названных респондентами, то в 2012 г. она оказалась уже только второй по распространенности, уступив лидерство наличию нужных связей.

Итак, для россиян в настоящее время причины богатства, а также, хотя и в меньшей степени, причины бедности связаны чаще всего

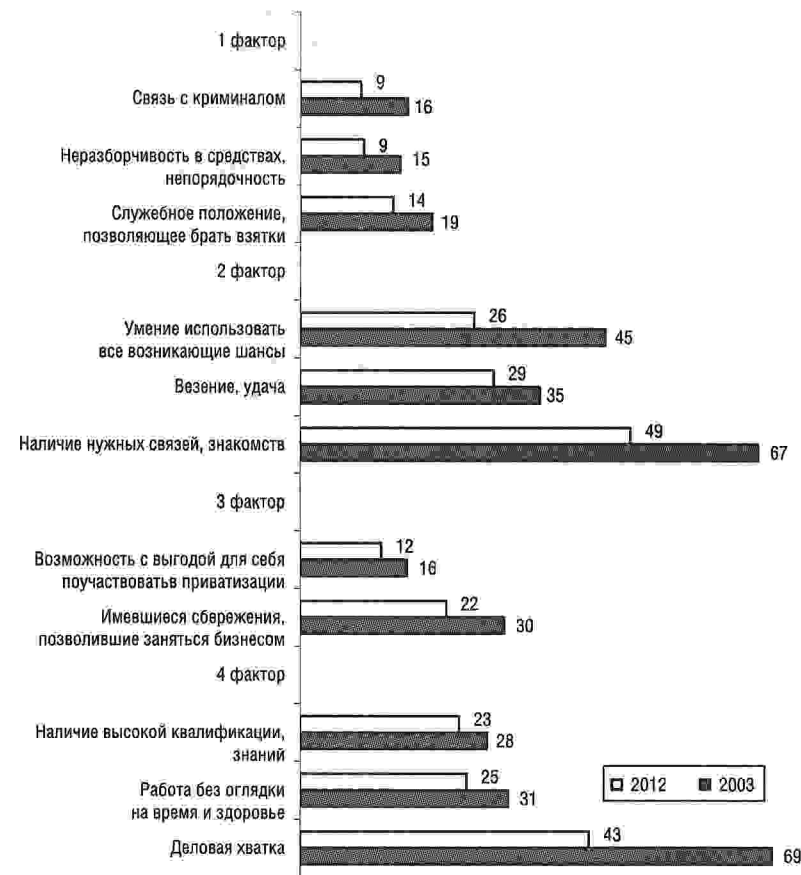

Рис. 11.5. Динамика представлений россиян о причинах богатства их личных знакомых, 2003–2012 гг., %

с фактором везения, а отнюдь не с собственными усилиями человека. При этом роль фактора «везения» постепенно усиливается — по крайней мере, в относительном выражении.

Вряд ли в этих условиях стоит удивляться, с одной стороны, тому, что 43% россиян (или 47% от всех, имеющих мечту) рассчитывают в ее реализации только на чудо, везение или колдовство, не прибегая для ее материализации ни к собственным усилиям, ни к помощи родных и близких. В то же время большинство (70% от имеющих мечту) все-таки пытаются реализовать ее с помощью рациональных практических действий. Не удивительно в этой ситуации и то, что второе место среди художественных образов, в которых чаще всего воплощается личная мечта наших сограждан, оказалась сказка «По щучьему велению», выражающую мечту об огромном, но случайном везении.

С другой стороны, еще более естественным в этих условиях представляется тот факт, что очень многие наши сограждане мечтают о жесткой связи собственных усилий людей и их жизненного благополучия. И именно сказка «Золушка», отражающая мечту о том, что добродетель и трудолюбие рано или поздно будут вознаграждены, оказалась лидером среди художественных образов, в которых чаще всего воплощается личная мечта наших сограждан, обогнав по популярности «По щучьему велению» практически вдвое. Вполне естественной выглядит в этом контексте и распространенность среди россиян мечты о жизни в справедливом и разумно устроенном обществе — обществе, где положение человека в большей степени зависит не от везения, а от его собственных усилий. Существующая же сегодня в России модель общества не только не справедлива, но и не имеет шансов выстоять в той жесткой конкурентной борьбе за «место под солнцем» в глобальной экономике, которая развернулась сегодня в мире.

туры российского общества, социальных неравенств и социальной политики, российской повседневности и идентичности, модернизации России, социальным факторам консолидации российского общества, социологии молодежи и др.

КРУММ Рейнхард (1962 г.р.) – кандидат исторических наук, журналист, социолог, специалист в области политологии, славистики и истории России, СССР и Ближнего Востока. Почетный доктор Института социологии РАН. В разные годы – репортер и редактор англоязычной службы российского информационного агентства ИТАР-ТАСС в Москве; корреспондент газеты «Тагесшпигель» (Берлин) и «Ауфбау» (Нью-Йорк) в России (г. Москва); корреспондент и редактор отдела Восточной Европы журнала «Шпигель»; научный сотрудник отдела Центральной и Восточной Европы Фонда имени Ф. Эберта. С 2007 г. – руководитель Представительства Фонда имени Ф. Эберта в РФ. Автор многочисленных публикаций на немецком, английском и русском языках. **Основные труды:** «Дни случая» (1994), «Безопасность и религия в мусульманских

странах – рациональный баланс» (общ. ред., 2005), «Место женщины в современных мусульманских обществах» (отв. ред., 2006), «История и идентичность: Узбекистан и Германия в XX веке» (общ. ред., 2007), «Исаак Бабель» (2008), «Результаты трансформации 1993–2008» (общ. ред., 2009), «Россия: итоги последнего десятилетия (1998–2008) и перспективы развития» (общ. ред., 2010), «Двойная Россия» (статья, 2008), «Фактор Медведева» (статья, 2010) и др.

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна (1953 г.р.) – доктор социологических наук, профессор, заместитель директора Института социологии РАН по научной работе. Профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа

экономики», член Бюро Президиума Сообщества профессиональных социологов (РФ), член Международного редакционного совета журнала «Вестник Института социологии». **Область научных интересов:** социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для социальной структуры российского общества в целом и различных групп населения в частности, социальная трансформация и социокультурная модернизация российского общества. Автор более 300 научных работ, в том числе 3 индивидуальных монографий и 15 монографий, вышедших под ее научной редакцией и с ее участием в качестве автора. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Work and Welfare in the New Russia» (London, 2000, в соавторстве), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), «Poverty and Social Exclusion in the New Russia» (London, 2004, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России. Опыт эмпирического анализа» (2007), «Health and Health Care in the New Russia» (London, 2008, в соавторстве), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Готово ли российское общество к модернизации?» (2010) и др. Руководитель и организатор свыше 20 проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества и общероссийских тематических исследований по различной тематике.

АНДРЕЕВ Андрей Леонидович (1947 г.р.) – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, член Ученого совета ИС РАН. Заведующий кафедрой истории и философии Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова (ВГИК). Член Научного совета ВЦИОМ, член Экспертного совета РАО. Лауреат премии «Общественная мысль» за лучшую книгу года по общественным наукам (2009). **Основные научные интересы:** социология массового сознания, историческая социология и социальная история Рос-